

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОНТИНЕНТАЛЬНО- РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

POLITICAL ECONOMY OF THE EURASIAN UNION AS A THEORETICAL BASIS FOR A CONTINENTAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

БЛАГИХ И.А., д-р экон. наук, профессор кафедры истории экономики и экономической мысли Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail: ivan-blagikh@yandex.ru

BLAGIKH I., Professor, Economy and Economic Thought History Chair, Saint Petersburg State University

E-mail: ivan-blagikh@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические основы континентально-регионального развития политической экономики Евразийского Союза.

Abstract

The article presents theoretical fundamentals of continental and regional development of political economy of the Eurasian economic union.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), единое экономическое пространство, евразийцы, политическая экономия.

Key words: the Eurasian economic union (EEU), common economic area, Eurasians, political economy.

В текущем 2015 году вступил в силу договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в который входят Россия, Белоруссия, Казахстан и Армения. Вскоре к нему присоединятся Киргизия и Таджикистан. Таким образом, единое экономическое пространство стран Европы и Азии, состоящее из части территории бывшего СССР, стало реальностью. Вместе с тем, ЕАЭС - это союз суверенных государств, который не ставит целью «реанимацию» Советского Союза.

В идейно-политическом плане новый союз опирается, в том числе, и на политико-экономические идеи и концепции русских ученых-евразийцев: Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Н.Н. Алексева, Л.П. Карсавина, П.П. Савучинского, Г.В. Вернадского и др. Будучи в вынужденной эмиграции свои труды евразийцы посвящали не столько обличению и осуждению большевистской диктатуры, сколько ситуации в России после ее «декоммунизации», разгосударствления собственности, возникновения многопартийности и утраты единства идеологии. Как полагали евразийцы, этот процесс будет проходить в России очень тяжело, и важнейшая задача

ответственных за судьбу страны политических сил будет заключаться в минимизации негативных последствий этого процесса, особенно - в предотвращении распада страны.

Как видим, в их работах воплотилась не только эмигрантская мечта о крахе большевизма, но и ряд положений, имеющих научный, «провиденциалистский» характер. Особенно верным оказалось предвидение угрозы распада России и ее все большее расхождение с Западом. Основную задачу отечественной общественной и политико-экономической мысли евразийцы видели в возврате к собственному вектору цивилизационного, политического и экономического развития. Что имелось в виду?

Евразийцы считали, что общество и его адекватное видение сквозь призму обществоведения, через комплекс общественных наук невозможны без идеологии. Не отрицая классовой структуры общества, различия социальных общностей и присущих им форм общественного сознания, они утверждали, что более устойчивой формой идеологии, адекватно отражающей идеи и идеалы массового сознания, являются национальные интересы и цивилизационные особенности.

Россия исторически сложилась как многонациональная страна, имеющая как общие, так и частные цивилизационные особенности. Говорить, что это хорошо или плохо, бессмысленно. Просто в этом факте, считали евразийцы, заключается основная проблема идеологического единства и таится постоянная потенциальная угроза государственному строительству. По их мнению, Россия исторически обречена на идеократическую форму государственного устройства, при которой объединение различных народов и стран строится на общей континентально-национальной идее политического, экономического, этнического и межрелигиозного характера [1].

По мнению евразийцев, каждый народ, спаявший собой великодержавие, подспудно ведом мессианской или национальной идеей. Это идея «есть нечто большее, нежели естественное стремление народа к свободе и власти. Она есть высшая цель, благодаря которой свобода и власть обретают свой смысл». Для России эта высшая цель заключалась в стремлении стать центром «политического притяжения» народов, защитить их от эксплуатации сопредельными государствами, быть «надежным противовесом» безраздельному владычеству колониальных империй [2].

Евразийцы исходили из примата политики над экономикой при их взаимопроникновении и единстве. Цель политической экономии в идеократическом государстве Россия - Евразия – вырабатывать ориентиры для экономической политики государства, а не быть некоей автономной экономической теорией, которая выполняет роль «крыши» над различными economic, увенчивает их и освящает своим авторитетом. Политэконом в их представлении должен быть и философом, и геополитиком, и историком, и антропологом, и правоведом, и психологом, и математиком. Он должен быть обществоведом, поскольку политическая экономия - наука социальная. Это наука о том, как обеспечить экономическую защиту и экономический

комфорт социуму. Поэтому политэконом, прежде всего, должен быть государственно мыслящим человеком.

Поскольку в качестве государственной «скрепы» у евразийцев выступала не правящая партия с коммунистической («космополитичной») идеологией, а «государственный актив», разделяющий идеалы мессианского предназначения России, то политическая экономия выполняет, по их мнению, ту же функцию, что и отечественная историческая наука - укрепление, прежде всего, национального духа и народного самосознания. Она служит делу воспитания государственного актива, который должен «пронизывать» снизу доверху весь аппарат власти, все партии, которые неизбежно возникнут в условиях многообразия форм собственности и социального расслоения.

России – Евразии, считали евразийцы, нужна своя политическая экономия. Она необходима для защиты коренных, устойчивых интересов народов, населяющих евразийский континент, и в этом смысле она не должна претендовать на мировое господство и признание, как ставила своей целью политическая экономия социализма в СССР. Ее задача более скромная. Она не предназначена обслуживать интересы каких-либо классов, страт, других социальных и политических группировок. В ее функции не входит формулирование практических рекомендаций для конкурирующих экономических субъектов. Она не может служить методологической основой для разнонаправленных научных исследований. Для этих целей служат специальные экономические теории, объединенные общим термином «экономикс». В условиях многообразия форм собственности капиталисты, торговцы, банкиры, кооператоры, аграрии руководствуются своими интересами. Эти интересы неустойчивы, недолговечны, подвержены влиянию политической и рыночной конъюнктуры. Их обслуживают соответствующие конъюнктурные теории и такие же недолговечные научные школы. Как часть обществоведения политическая экономия России – Евразии должна опираться на евразийские реалии и достоверные факты и разрабатывать общие политические и экономические положения.

Эти положения в концентрированном виде содержатся в работах П.Н. Савицкого. Савицкий считал, что существует океаническое и континентальное разделение труда. Океанические страны, имеющие порты в незамерзающих морях, имеют значительные преимущества в транспортных издержках. Континентальные страны: Россия, государства Средней Азии, Индия, Китай и т.д. обладают огромной территорией, которая не может обслуживаться дешевым транспортом. (В 1911-1916 гг., по подсчетам Савицкого, железнодорожные тарифы в пересчете на тонно-километры были в 50 раз выше морских.)

России было бы выгоднее сотрудничать с континентальными странами Евразии. При этом торговый обмен должен был осуществляться преимущественно в виде бартера, в натурально-вещественной форме, в форме клиринговых и других подобных расчетов. Но она обращается на рынок океанических держав за «мировой валютой», где исторически терпит

поражение из-за объективно высоких стоимостных издержек на свою продукцию. Однако сравнительно с издержками евразийских стран - Китая, Индии и сопредельных государств - они не столь соразмерны, но и могут быть относительно ниже, если торговый обмен не будет осуществляться в «мировой валюте».

Проблемы континентальных стран заключаются в технологической отсталости от океанических держав, которые установили в XIX в. колониальный режим на Евразийском континенте, а затем приложили и прилагают в XX-XXI вв. немалые усилия к разжиганию в них сепаратизма, религиозной и национальной вражды. Но технологические проблемы исторически преодолимы, если континентальные державы устоят перед либеральными «революциями».

По мнению евразийцев, Россия не сможет сотрудничать на равных с Западом, но и устоять от его экспансии она сможет лишь на пути евразийского развития. Как утверждал Савицкий, российская экономика должна быть самостоятельна, ориентирована, прежде всего, на собственные возможности и потребности. Это не значит, что она должна пойти по пути полной изоляции. Но если Россия будет идти на поводу у международных олигархических кругов, то она, как писал Савицкий, будет обречена прозябать на «задворках мирового хозяйства».

Россия в силу своего географического положения не может быть равноправной участницей так называемого «мирового хозяйства». Это ни в коем случае не может свидетельствовать о какой-либо «отсталости» России. Нет, это объясняется вполне объективными географо-экономическими причинами: Россия – континентальное государство, и его возможности участия в «мировом хозяйстве», основой которого до сих пор остаются низкие издержки морского транспорта, ограничены. И если Россия хочет быть по-настоящему независимой державой, то она должна обращать приоритетное внимание на налаживание экономической связи со своими ближайшими соседями и на развитие собственных экономических сил (таковы, например, основные идеи статьи П.Н. Савицкого «Континент – океан», опубликованной в 1921 г. в Праге).

Из факторов производства, лежащих в сфере интереса экономической мысли Запада (труд, земля, капитал и организация), евразийцев более всего интересовала организация. В основу политико-экономической организации идеократического государства евразийцы положили идеи «функциональной собственности» и «хозяйнодержавия». Идеальной моделью хозяйственной организации для евразийцев являлась государственно-частная модель при определяющей роли государственных интересов. Евразийцы критиковали идею коммунизации собственности, определяя ее как проявление «социалистического элементаризма». Они подчеркивали, что с ликвидацией многообразия субъектов экономической жизни под сомнение может быть поставлено само государство, которое грозит превратиться в некую машину угнетения, враждебно относящуюся к существованию частных интересов.

Делегирование госслужащему прав хозяина по отношению к экономически активному населению, которое не сможет в полной мере использовать собственность функционально, приведет в конце концов к экономическому коллапсу. Евразийцы настаивали на укреплении частной собственности, при усилении контроля со стороны государства за ее эффективным использованием. Особые надежды евразийцы возлагали на частника - «добротного хозяина», который в их понимании отличен от «предпринимателя» западного, протестантского типа. Политико-экономический идеал евразийства – самодостаточное, автаркическое государство русско-евразийской континентальной цивилизации. При этом следует отметить, что в период между двумя мировыми войнами термин «автаркия» не нес в себе негативного смысла, поэтому евразийцы широко его использовали.

Савицкий считал, что нормальное функционирование и развитие континентальной экономики невозможны без участия государства как хозяйствующего субъекта. В противном случае она будет находиться в состоянии постоянного хаоса и не сможет эффективно выполнять иных функций, кроме личного обогащения отдельных индивидов и накопления капитала в экономиках океанических держав. Вместе с тем, образование в СССР обособившейся от народа партийной элиты Савицкий считал другой крайностью, «правым уклоном» либерализма. Государство подавляет народную инициативу не лишением возможности трудиться (как в либеральных экономиках), а лишением средств труда. Теоретический западноевропейский либерализм, коммунизм и национал-социализм Савицкий считал ветвями одного и того же «древа». Вражда идей происходит между ними в рамках единого политико-экономического лексикона, который был навязан миру и как наука, и как оценочные суждения о хозяйственной практике.

В подлинно национальной России, по Савицкому, будет существовать гармония соединения частного и государственного хозяйства. Собственность в России всегда имела не только частный и не только государственный, а государственно-частный характер, варьирующийся от ее функционального назначения. Землей и орудиями производства властвовал тот, кто добивался реальных производственных результатов. После революции эта гармония была разрушена. В качестве доказательства «родства» капитализма и социализма в России Савицкий приводил цикличность в российской экономике, которая установилась после капиталистических реформ 1861 г. и продолжалась в советское время. Эта цикличность им определялась в 8 лет: от состояния экономического подъема до начала периода депрессии.

Иное определение по отношению к либеральным теориям давал Савицкий автаркии (от греч. *autarkeia* - самоудовлетворение) как экономической политике, направленной на достижение независимости национального хозяйства, обеспечение населения, промышленности и обороны всем необходимым. После образования «Соединенных Штатов Европы», единого хозяйства Европы и США, считал Савицкий, экономисты

пересмотрят взгляды на автаркию как препятствие экономического развития. У противостоящего единого евразийского объединения государств не будет иного выбора, как занять автаркическую позицию по отношению к Западной Европе, Америке и Африке. К Америке - потому что это государство, «поглотив» Латинскую Америку, будет стремиться «поглотить» Евразию; к Африке - потому что неизбежно встанет проблема неконтролируемой миграции, в то время как сам экономический обмен будет невыгоден и связан с большими издержками во взаимной торговле: к атлантической Европе - потому что она превратится в придаток США. Когда Россия - Евразия образует межгосударственное объединение - Евразийский Союз, он должен будет создать политическую экономию Евразийского Союза как научную базу для межгосударственного сотрудничества и взаимопонимания [3].

При этом, конечно, возникают вопросы о предмете и методе политической экономии Евразийского Союза, о ее научном характере, о номологическом (номос - закон, логос - порядок) исследовании и обобщении. В основе парадигмы политической экономии Евразийского Союза, полагали евразийцы, лежит сочетание номологических и идеографических обобщений. Этим сочетанием уже давно пользуется историческая наука – познающая закономерности, но обобщающая их в соответствии с этническими особенностями и национальными интересами.

О субъективном определении предмета политической экономии говорили не только евразийцы, но и многие другие отечественные и зарубежные ученые-экономисты. В качестве примера сошлемся на С.Н. Булгакова. С.Н. Булгаков еще в 1903 г., в работе «Задачи политической экономии» отмечал, что «политическая экономия есть не только наука, но и техника, она не только констатирует существующее, но и постулирует должное, субъективизм из нее неустраним». И далее: «Предмет политической экономии определяется не объективным, а субъективным своим значением, потребностями не знания, а воли». «Это суждение, - продолжает Булгаков, - в глазах многих обозначает смертный приговор для политической экономии как науки. Однако такое заключение кажется в высшей степени ошибочным, оно есть просто предрассудок, основанный на отождествлении понятий субъективности и произвольности».

Далее Булгаков говорит о неразрывной связи политической экономии с экономической и социальной политикой. «Но этот субъективно определяемый предмет политической экономии подвергается объективизированному изучению (анализу), вполне научным процедурам, и в этом моменте политическая экономия практически не отличается от истории и всякой вообще объективной науки. Но окончательная ее задача – выработка плана социально-экономической политики – также необходимо включает элемент субъективизма, контролируемого, однако, научным исследовательским объективизмом» [4]. Исходя именно из таких методологических положений, евразийцы определяли предметом политической экономии Евразийского Союза исследование хозяйства

России - Евразии и сопредельных континентальных государств с точки зрения четвертого фактора производства – организации [5].

В понимании евразийцев атлантическая («океаническая») политическая экономия, которая получила название классической в то время, когда над миром господствовала Англия («владычица морей, повелительница Нового Света и Азиатского континента» - это слова из английского государственного гимна), не имеет собственной методологии. Она обособилась в эпоху Просвещения от практической философии, но при этом все еще была включена в общую картину мира. Затем, следуя постулатам 1-го позитивизма («всякая наука сама себе философия»), политическая экономия провозгласила себя практической философией, существующей самой по себе. Отделившись, прежде всего, от этики, политическая экономия (до второй половины XIX в.), все еще признавала за собой познавательную функцию – гносеологию. Однако со второй половины XIX в., подвергшись новому позитивистскому и неокантианскому пересмотру, политическая экономия стала замкнутой на самое себя «чистой наукой», не ищущей истину и не познающей реальность. Познание подменилось анализом канонизированного знания.

Подобно тому, как для геометра, изучающего способы доказательства теорем и выискивающего некорректности в предыдущих доказательствах, не является проблемой ни источник базовых понятий (что такое: точка, прямая, плоскость), ни происхождение аксиом, ни обоснование правил их доказательства, так в политической экономии было ограничено философско-методологическое пространство. Из истории политико-экономического знания (учений) были изгнаны даже те, кто в эпоху Просвещения относился к ее родоначальникам (например, Жан- Жак Руссо, которому энциклопедисты поручили написать статью о политической экономии, не говоря уже о множестве других, «неканонических», имен), социалисты-утописты, кооператоры и т.д. Она стала «чистой» экономической теорией, исходящей не из объективности существующего мира и возможности его познания, а из реальности канонического знания, из реальности «науки в самой себе».

В ходе своего генезиса политическая экономия принесла себя в жертву универсализму, но стала схоластикой. А схоластика, как известно, вырабатывает методы исследования не из философии, а из веры. Таким образом, та идеализированная политическая экономия, которая большинством научного сообщества воспринимается как объективная, универсальная наука, давно превратилась в идеологию западного либерализма. Она не занимается поиском истины, а вульгарным образом обеспечивает идейное господство неокOLONИализма над бывшими колониями.

Разработка политической экономии Евразийского Союза позволит, во-первых, осмыслить совершенно новое качество Российского государства - преемника СССР и, во-вторых, определить перспективные направления развития страны на огромном евразийском пространстве.

Соответственно ее идейно-политическая концепция должна дать ориентиры для таких основных составляющих, как:

- место России - Евразии и ЕАЭС в мировой экономике;
- формирование стратегической модели экономической политики на длительную перспективу;
- степень экономической зависимости России и ЕАЭС от других государств;
- роль в мировой политике, степень и возможность политического влияния;
- характер вероятных противоречий с другими государствами;
- потенциальные союзники и государства с совпадающими интересами;
- стратегия развития отдельных регионов евразийского пространства.

Россия может и должна стать ядром евразийской структуры на постсоветском и евразийском пространстве. Говоря словами Л.Н. Гумилева, в Евразии - «спасение» России. «Главное - сохранение и развитие огромного (пусть и значительно сокращенного после распада Советского Союза) евразийского пространства, на котором расположено Российское государство. Это и есть в концентрированном виде основная евразийская идея XXI в.» [6].

Литература:

1. Пути Евразии: Русская интеллигенция и судьбы России. - М.: Русская книга, 1999. - С. 402.
2. Благих И.А., Дубянский А.Н. История экономических учений / Под ред. А.Н. Дубянского. - М.: Юрайт, 2014. - С. 380.
3. Благих И.А., Малюшин И.И. Евразийские идеи П.Н. Савицкого и современность: континентальное и океаническое разделение труда // Проблемы современной экономики. - 2015. - № 1. - С. 46-50.
4. Булгаков С.Н. Задачи политической экономии. - М.: Изд-во П.Н. Киршбаума, 1903. - С. 14-17.
5. Евразийство: философия, история, политика / Редколл.: О.Т. Кирсанова (ред.) и др. – Ростов-на-Дону: РИНХ, 2006. - С. 75.
6. Орлик И. Спасет ли Россию евразийская идея? // Мир перемен. - 2009. № 4. - С. 163.

References:

1. Eurasia Paths: Russian intelligentsia and the fate of Russia. - M.: Russkaya kniga, 1999. - P. 402.
2. Blagikh I., Dubyansky A. History of Economic Thought / ed. by A.Dubyansky. - M.: Publishing House Yurayt, 2014. - P. 380.
3. Blagikh I., Malyushin I. Savitsky's Eurasian idea and modern era: the continental and oceanic division of labor // Problems of the modern economy. - 2015. - № 1. - P. 46-50.
4. Bulgakov S. The tasks of political economy. - M.: Kirshbaum Publishing House, 1903. - P.14-17.

5. Eurasianism: philosophy, history, politics / the editorial board: Kirsanov and others - Rostov-on-Don: RINH, 2006. - P. 75.

6. Orlik I. Will the Eurasian idea save Russia? // The world of changes. - 2009. - № 4. - P.163.